

Пожар в Мастерской Цицяо наконец потушили. Праздная толпа зевак рассеялась, и на опустевшей, покрытой копотью улице остались лишь полтора десятка воинов Армии Таинственных Символов.

Со времен Битвы четырех столиц, когда демоны захватили власть и воцарились в Императорской столице, а их Владыка взошел на престол, мир изменился. Чтобы держать земли под жестким контролем, новые правители наводнили каждый подвластный им город патрулями Армии Таинственных Символов.

Облаченные в багряные доспехи, эти трехметровые исполины плотным кольцом окружили обращенную в пепел Мастерскую Цицяо, преграждая путь любому, кто осмелился бы подойти близко.

Официально Армия следила за порядком, но их истинной задачей была охота на даосов и буддийских монахов. Не важно, обладал ли человек духовными силами — одного лишь даосского платья было достаточно, чтобы его без лишних разговоров бросили в темницу.

Священные артефакты, древние трактаты, талисманы и даже киноварь — все, что имело отношение к духовному деланию, безжалостно предавалось огню на месте.

Простым смертным отныне строжайше запрещалось ступать на Путь совершенствования, а Четыре великие священные горы запечатали свои врата. Прежде люди уповали на бессмертных мастеров, лелея надежду, что те однажды спустятся в Поднебесную и спасут разоренный мир.

Но спасители так и не явились. Вместо них пришла сокрушительная весть: Бессмертный почтенный Юньцзи, великий Лу Юньцзи, подвергся казни Небесной грозой.

Когда священные горы закрылись от мира, уцелевшие на земле даосы либо скрылись в глуши, оборвав все связи с людьми, либо переметнулись к демонам. Последняя надежда смертных обрести бессмертие угасла навсегда.

Отныне смертному было суждено оставаться ничтожным прахом, а небожителю — недостижимым божеством. Единственным путем силы, доступным для людей, стал путь демонического заклинателя.

Прежде три великих пути — демонов-животных, людей и демонов — сосуществовали бок о бок. Теперь же племя демонов безраздельно правило миром, загнав демонических заклинателей-животных в глухие углы, а людской род заклинателей пришел в полный упадок. Последним великим гением, чье имя гремело на всю Поднебесную, был Бессмертный почтенный Юньцзи.

Человеческое царство подчинилось воле захватчиков, и воины Армии Таинственных Символов вершили суд над земными делами.

Появление стражи у пепелища Мастерской Цицяо казалось естественным, но лишь на первый взгляд. Поскольку лавочник Ло Цяоцяо был демоном, расследованием, по всем правилам, должна была заниматься Канцелярия Трех Инеев.

Перед догорающими руинами стоял человек в темном одеянии. Глубокий капюшон полностью скрывал его лицо, а сама его фигура дышала ледяным, пугающим отчуждением.

— Ну? — негромко спросил он. Голос его звучал глухо и низко.

Из черного дымящегося завала торопливо выбрался подчиненный. Склонив голову, он доложил:

— Двое погибших, господин. Простой охотник и сам лавочник. От Ло Цяоцяо не осталось даже Золотого ядра.

Судьба мелкого паука Ло Цяоцяо мало заботила таинственного незнакомца, а уж его никчемное Золотое ядро и подавно не стоило внимания. Он промолчал, не проронив ни звука.

— Охотнику вырвали сердце, — продолжил слуга, с трудом сглатывая слюну. — А вот как оборвалась жизнь Ло Цяоцяо... Его тело... оно выглядит просто...

Он запнулся, не в силах продолжать. При одном воспоминании о жутких останках демона его пробирала дрожь. Кости древних тварей невероятно прочны — порой требуется трое суток яростного пламени, чтобы обратить их в прах.

Когда огонь сбили, скелет Ло Цяоцяо еще сохранял ужасающие очертания: восемь суставчатых паучьих лап переплелись и намертво сжались в судороге невыносимой муки, сделав труп похожим на скрюченное, уродливое корневище старого дерева.

Трудно было вообразить, какая лютая ненависть заставила неведомого убийцу обречь его на столь лютую смерть.

Пока молчание предводителя затягивалось, слуга поспешил добавить:

— На втором этаже мы нашли осколки зеркал.

— Зеркал? — Черные брови под капюшоном сошлись к переносице.

Сомнений не оставалось: здесь использовали Строй четырех зеркал для подавления душ. Даже столь сильный пожар не сумел уничтожить все следы ритуала. Если поначалу у него и оставалась тень сомнения, то теперь он знал наверняка — Лу Юньцзи побывал в этой лавке.

— А следы крови? — спросил он.

— Оборвались. Мы прошли за ним два переулочка, но на третьем след исчез, словно беглец растворился в воздухе.

Молчание затягивалось, и подчиненного охватил липкий страх. Он прекрасно знал, сколь вспыльчив и беспощаден его господин — за малейшую оплошность тот мог лишиться жизни на месте. Набравшись смелости, слуга поднял взгляд и наткнулся на взор предводителя.

Его левый глаз скрывала глухая черная повязка, зато правый, фиолетовый, сиял холодным, завораживающим блеском, точно ограненный драгоценный камень.

Впрочем, для демонических заклинателей подобные уродства или чудеса были в порядке вещей — их тела менялись под воздействием темной силы, и даже разноцветные глаза никого не удивляли.

Одного ледяного взгляда фиолетового глаза хватило, чтобы слуга замер, боясь сделать вдох. Мужчина шагнул к нему — всего на полшага, но холодный пот мгновенно струйкой сбежал по виску несчастного.

— В-владыка... — пролепетал он, бледнея.

Одноглазый медленно поднял бледную ладонь, собираясь опустить ее на темя нерасторопного слуги и разломить ему череп, как вдруг чьи-то длинные пальцы перехватили его запястье.

— Ну же, Мо Линь, к чему срывать злость на ничтожном слуге?

Позади них стоял молодой мужчина в таком же черном плаще. На его губах играла легкая, непринужденная улыбка.

— Мы ведь на виду у всех, — мягко рассмеялся он. — Кровь только запачкает твои прекрасные руки. К чему эта грязь?

Перепуганный слуга поначалу решил, что за него заступаются, но от этих слов у него перехватило дыхание. Оказалось, его жизнь ценили не выше, чем чистоту чужих перчаток.

Мо Линь ожёг спутника презрительным взглядом. Пришельца звали Цзи Юаньчу. Бывший даос с Горы Вечной Юности, он без колебаний предал свой орден и переметнулся на сторону демонов ради спасения собственной шкуры. Мо Линь всем сердцем презирал подобных беспринципных ничтожеств.

Цзи Юаньчу продолжал удерживать его за руку. И если поначалу это было лишь попыткой

остановить расправу, то теперь его жест изменился — пальцы скользнули ниже, поглаживая ладонь Мо Линя с откровенной, бесстыдной нежностью, точно похотливый повеса, забавляющийся со своей игрушкой.

— Пусти, — ледяным тоном процедил Мо Линь.

Цзи Юаньчу послушно разжал пальцы, про себя подивившись тому, как суров и неприступен этот демон — куда порядочнее многих праведных даосов. Приняв серьезный вид, он вздохнул:

— Что ж, похоже, мы все-таки опоздали.

Мо Линь промолчал. Любому глупцу было очевидно, что птичка упорхнула.

Лу Юньцзи выжил.

После ужасающей казни Небесной грозой уцелела лишь жалкая часть его расколотов души, и эта искра угасающей жизни укрылась здесь, в Городе между Облаками. Опасаясь его перерождения, совет старейшин из Императорской столицы прислал тайный указ: немедленно отыскать беглеца и предать его окончательной смерти на месте.

Уничтожить без пощады при первой же возможности.

Слабая, израненная душа не способна вселиться в первое попавшееся тело. За последние двое суток они перерыли все лечебницы и покойницкие приюты в округе, и лишь когда вспыхнула Мастерская Цицяо, до них наконец дошло: бездушные куклы и марионетки — не менее совершенные сосуды для призрака, чем свежие трупы.

Но когда они прибыли, Ло Цяоцяо и вся Мастерская Цицяо уже обратились в серый пепел. На пожарище не уцелело ничего, что могло бы послужить зацепкой.

Кто-то опередил их и забрал куклу, в которой затаился дух Лу Юньцзи. И этот неведомый спаситель, сумевший без труда одолеть коварного паучьего демона, должен был обладать силой как минимум мастера пятого ранга.

Одно дело — догадываться, что бывший бессмертный вернулся в этот мир, и совсем другое — отыскать его, не зная ни облика куклы, ни ее нового имени.

Теперь их поиски превратились в попытку выловить иголку на дне бездонного моря.

— В следующем месяце в город прибудет Чжубай, — холодно произнес Мо Линь. — Говорят, он намерен почтить присутствием Небесный юбилейный пир Владыки Небесной Обители.

Чжубай... Цзи Юаньчу на миг задумался, воскрешая в памяти это имя. Последний истинный дракон во всей Поднебесной и единственный личный ученик Лу Юньцзи. С тех пор как наставник с позором изгнал его из ордена, о молодом драконе почти ничего не было слышно.

— И что же ему понадобилось в наших краях? — полюбопытствовал Цзи Юаньчу.

— Ищет лекарство, — коротко бросил Мо Линь.

В последние два года здоровье Чжубая по неведомой причине стремительно ухудшалось. Вероятно, поездка на празднество в Город между Облаками была лишь предлогом, чтобы вымолить у Владыки редкое снадобье.

Не успел даос ответить, как демон жестко добавил:

— Я не верю в подобные совпадения.

Они сами едва успели разузнать, что душа Лу Юньцзи укрылась в этих краях, и не успели они сделать и шага, как сюда же устремился его бывший ученик.

Если бы доверенные ищейки не доносили регулярно, что все это время дракон предавался праздности и развлечениям на берегах Девяти Рек, Мо Линь непременно заподозрил бы, что за возвращением свергнутого бессмертного стоит именно Чжубай.

— Ты действительно полагаешь, будто Чжубай станет искать своего учителя? — с сомнением покачал головой Цзи Юаньчу.

Чжубай действительно когда-то звался учеником Бессмертного почтенного Юньцзи. Но если бы учитель не выгнал его прочь, возможно, в тот роковой день хоть кто-то попытался бы остановить Небесную казнь, и Лу Юньцзи не лишился бы тела и духа.

Мо Линь промолчал, хмуро глядя в пустоту. Цзи Юаньчу усмехнулся:

— Ты слишком мнителен. Между ними лежит кровная вражда. Будь ты на месте дракона, стал бы ты спасать наставника, который собственной рукой запечатал твои духовные меридианы и лишил силы?

Мо Линь мало смыслил в запутанных чувствах смертных и не желал в них разбираться.

— Мой долг — найти Лу Юньцзи раньше, чем это сделает кто-либо еще.

Сейчас, когда от великого мастера осталась лишь хрупкая, беззащитная тень, наступил

идеальный момент для его окончательного уничтожения. Но если бывший ученик доберется до него первым, дело примет скверный оборот.

Цзи Юаньчу мягко улыбнулся. Подавшись вперед, он почти коснулся губами уха одноглазого демона и прошептал:

— У меня есть одна мысль на этот счет.

Мо Линь даже не шелохнулся, позволяя предателю приблизиться. Ему хотелось знать, какую игру тот затеял на этот раз.

— Говори.

— Я содержу несколько очаровательных крошек, — вкрадчиво произнес даос. — Они без труда отличат человека с расколотой душой от обычного смертного.

В каком бы облике ни скрывался Лу Юньцзи, под каким бы именем ни прятался — его поврежденный дух навсегда останется его клеймом.

— Так ты знаешься с призрачными заклинателями? — Мо Линь удивленно приподнял бровь.

Помимо тех, кто следовал путями людей, демонов или зверей, существовали также буддийские праведники и призрачные заклинатели. Буддисты давно отреклись от мирской суеты, а призрачные маги, чья обитель укрывалась в мрачном Городе Безрассудства, встречались столь редко, что за выращенную ими нечисть на черных рынках предлагали баснословные суммы.

И только их тайные методы позволяли безошибочнее всего разглядеть истинную природу чужой души.

— Столько лет скитаний по свету, — со смешком отозвался Цзи Юаньчу, — неужели я не мог обзавестись парой полезных знакомств?

Мо Линь лишь презрительно фыркнул. Он прекрасно помнил, кто был предыдущим «лучшим другом» этого даоса — великий заклинатель, от которого после Небесной казни осталась лишь жалкая горстка духовной пыли. Связаться с Цзи Юаньчу дружбой означало обречь себя на проклятие.

— И все же, зачем тебе это? — спросил демон.

Он знал, что Цзи Юаньчу и Лу Юньцзи связывали узы долгой, еще с юных лет, дружбы. Пожалуй, этот предатель был одним из немногих, кого гордый бессмертный подпускал близко к себе.

Демоны часто думали, что у людей есть предел низости, но Цзи Юаньчу, казалось, не ведал преград. Он не просто переметнулся на сторону вчерашних врагов, но и теперь, едва прошел слух об уцелевшей душе названного брата, вознамерился лично задушить ее в колыбели.

— Зачем? — Цзи Юаньчу тихо рассмеялся. Он подался еще ближе, вглядываясь в единственное фиолетовое око демона, так что его теплое дыхание коснулось щеки Мо Линя. — Исключительно ради того, чтобы порадовать тебя, мой дорогой посланник демонов.

— Тебе стоит чаще улыбаться, — добавил он с привычной легкомысленной развязностью. — Хмурое лицо совсем не идет такому красавцу.

Мо Линь остался невозмутим, лишь глубже заглянул в глаза собеседника. Сам будучи порождением тьмы, он порой ловил себя на мысли, что этот бывший праведник куда больше походит на истинного демона, чем он сам.

И это вызывало у него глубокое, неодолимое отвращение.

Су Цзюгуй прежде никогда не бывал в Городе между Облаками. Оставшись один в незнакомом месте, он доверился чутью и устремился в глубь самых безлюдных, кривых улочек.

Душа лисьего демона, приютившаяся в его кукольном теле, наделила его невероятно острым слухом и зрением. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы уловить малейшее шевеление за спиной.

Патрули Армии Таинственных Символов стягивались к полыхающим руинам Мастерской Цицяо. Смерть лавочника Ло Цяоцяо больше не была тайной.

Очень скоро весть о возвращении Лу Юньцзи разлетится по всем углам Поднебесной, и тогда за его головой явится бесчисленное множество врагов.

Новое имя и скромная внешность могли обмануть обычных ищеек, но для опытного призрачного заклинателя его расколота, источенная душа будет сиять во тьме подобно сигнальному костру. Су Цзюгуй понимал, что кольцо сожмется быстро.

Прежние соратники предали орден и присягнули демонам, Семь Созвездий Демонических Врат жаждали его крови. Те ничтожества, на которых в бытность Бессмертным почтенным он даже не удостоил бы взгляда, теперь могли оборвать его жизнь одним щелчком пальцев.

Су Цзюгуй и представить не мог, что судьба когда-нибудь низвергнет его на самое дно ничтожества и бессилия.

Впрочем, в его душе не было ни злости, ни жалости к себе. Положение дел уже сделалось скверным до предела — хуже все равно не будет.

Сейчас следовало как можно скорее отыскать надежное убежище.

Окрестные дома стояли с плотно запертыми ставнями. Обыватели, вопреки привычке, не спешили выбегать на улицу, чтобы поглазеть на пожар и суматоху.

Приглядевшись, Су Цзюгуй заметил у дверей ближайшей усадьбы траурные белые ленты. Хозяева дома оплакивали покойника и блюли строгий затвор.

Вдруг из глубины двора донеслось едва различимое, мягкое золотистое сияние.

Оно было столь эфемерным и слабым, что обычный человек прошел бы мимо, ничего не заметив.

«О Небеса... Если бы только мы могли разбогатеть в один миг, все беды остались бы позади...» — донесся тихий, полный отчаяния шепот молитвы.

Смертный взывал к Великому Пути. Считалось, что искреннее моление способно склонить Небеса к состраданию и отвести беду.

Впрочем, мольбы простых мирян редко достигали слуха высших сил. Для этого молящийся должен был обладать хотя бы искрой врожденной духовной связи с бессмертными — так называемой «связью с истоком».

Что ж, сегодняшний день действительно начинался неплохо. Едва он ступил на улицу, как прекратился затяжной дождь, а стоило задуматься о крове, как судьба сама указала на дом, отмеченный благословением.

— Пойдем, — тихо прошептал Су Цзюгуй, обращаясь к самому себе. — Посмотрим, кто там плачет.

Вэнь Ци

<http://bllate.org/book/18298/1755120>